

«Иннокентий Дудоров» – автоинтертекстуальность одного из вариантов заглавия романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго»

Борис Пастернак называл роман «Доктор Живаго» вершиной своего творчества и работал над ним более 10 лет (с декабря 1945 по январь 1956 г.). Автор не сразу выбрал заглавие для книги. За первые 2,5 года создания романа Пастернак размышлял минимум над 15 заглавиями произведения. Окончательное имя книги «Доктор Живаго» с подзаголовком «Картины полувекового обихода» было выбрано летом 1948 г. Исследуемое возможное название книги «Иннокентий Дудоров» было одним из наиболее ранних возможных заглавий, ему предшествовало «Мальчики и девочки». Вариант «Иннокентий Дудоров фигурирует в договоре с журналом «Новый мир» на написание романа под именем: «Иннокентий Дудоров. (Мальчики и девочки)», подписанным в январе 1947 г. со сроком сдачи в августе этого же года. Иннокентий Дудоров впервые возникает в мире Бориса Пастернака в трагедии «Этот свет». Писатель хотел вынести в заглавие большой прозы имя героя, который встречается в двух произведениях – в пьесе «Этот свет» и в романе «Доктор Живаго».

Следует сказать несколько слов об этой малоизвестной военной пьесе Бориса Пастернака. Поэт работал над драмой на тему Великой Отечественной войны в 1942 г. по договору с драматическим театром города Новосибирска. Однако пьеса так и не была окончена и сдана, а в дальнейшем частично уничтожена автором. Сохранились только 3-я и 4-я картины первого акта. В дальнейшем, уже в 1950-е гг. писатель использовал ее во время работы над эпилогом «Доктора Живаго». Он помечал для себя на обложке рукописи пьесы, что для эпилога романа потребуется «Чистопольская пьеса III и IV карт<ины> (рассказ о железнод<орожной> сторожке)». Речь идет о монологе бельевщицы из беспризорных Друзякиной, чей рассказ о своей жизни был использован в «Докторе Живаго» как история жизни Тани Безочередевой, дочери Живаго и Лары.

Пьеса «Этот свет» принадлежит к малораспространенному роду драмы для чтения. В военной пьесе писателя стихи соседствовали с прозой (до нас стихи не дошли); в этом трагедия была первым произведением перед романом, которое одновременно содержало в себе и лирику, и прозу.

Обратимся к персонажам драмы, чьи образы перешли в роман. Гордон (без имени) и Иннокентий Дудоров впервые появляются в творчестве Пастернака в трагедии «Этот свет». Гордон в сохранившихся частях немногословен, но он – один из адресатов монологов Дудорова, который близок Иннокентию Ивановичу по духу. Другая героиня, чей образ зародился в пьесе, – Груня Фридрих, «ставшая» Христиной Орлецовой в эпилоге романа про Великую Отечественную войну. Героини драмы и романа повторяют подвиг Зои Космодемьянской.

Отдельно стоит отметить единый сюжетный инвариант в трех произведениях Пастернака: «Записках Патрика», «Этом свете» и «Докторе Живаго». Речь идет о монологе из пьесы – рассказе о железнодорожной сторожке, который писатель отмечал для себя. В образе отца бельевщицы из беспризорных просматриваются черты мужа Евгении Истоминой из «Записок Патрика» и мужа Лары Антипова-Стрельникова из «Доктора Живаго». Образы героев в пьесе и романе имеют сходные черты: уход добровольцем на германскую войну, плен, долгое отсутствие, потеря семьи и уход жены к другому. Но они расходятся в главном: герой пьесы после возвращения проживает долгую скучную жизнь, а Антипов-Стрельников в революционном порыве устраивает страшный суд на земле и, дойдя до края в желании изменить миропорядок, стреляет в себя. Таким образом, можно сделать вывод о совпадении сюжетных ситуаций повествовательной прозы («Записки Патрика» и «Доктор Живаго») с драматическим произведением («Этот свет»).

Впервые существование «различных “версий” одного сюжетного инварианта» в творчестве Пастернака было выявлено в исследовании Д.М. Магомедовой¹.

Охарактеризовав ключевые особенности малоизученной пьесы, перейдем к поэтике возможного заглавия «Иннокентий Дудоров». Обозначим известные факты, которые могут прояснить ход авторской мысли вокруг интересующего нас заглавия. Вариант имени романа «Иннокентий Дудоров», по всей видимости, существовал в конце 1946 – начале 1947 годов. К этому времени были созданы и переписаны набело две первые главы романа: «Пятичасовой скорый» и «Девочка из другого круга». Автор не раз читал их родным и друзьям. Работа над третьей главой книги «Елка у Свентицких» была завершена в апреле 1947 г.

Все упомянутые факты говорят о том, что Пастернак предполагал назвать создаваемый роман именем героя, который не был поэтом. Образы Ники Дудорова, Миши Гордона, Юрия Живаго и Лары Гишар сложились в двух первых главах книги. Авторская мотивировка вынесения в заглавие имени неглавного героя загадочна; тем более, что в последующие месяцы Пастернак в письмах раз за разом увеличивает акцент на Юрии Живаго. Первые упоминания главного героя романа (без имени) читаются в письме февраля 1947 г: «стихотворное наследие человека, умирающего между годами смерти Есенина и Маяковского, году в 29-м». В другом письме, написанном через 2,5 недели, автор сообщает о стихах Юры: «Юра опять написал у меня несколько стихотворений...». Здесь читается первое упоминание имени героя.

В марте 1947 г. писатель в одном из писем наиболее развернуто характеризует Юрия Живаго как человека, «который составляет некоторую равнодействующую между Блоком и мной (и Маяковским и Есениным, может быть)». Переписка тех первых месяцев 1947 г. все дальше и дальше уводит от варианта названия «Иннокентий Дудоров». Автор поглощен размышлениями

---

¹ Соотношение лирического и повествовательного сюжета в творчестве Пастернака // Известия АН СССР. Серия лит. и яз. 1990. Т. 49. № 5.

об одухотворенности творчества и сообщает корреспондентам о стихах героя, которые останутся после его смерти. Вероятно, предполагая назвать роман «Иннокентием Дудоровым», автор смещал первое читательское внимание с поэта на обыкновенного человека из поколения мальчиков и девочек 1890-х гг. Гордон и Дудоров, ровесники и друзья Юрия Живаго, сохранили его архив, обессмертив поэта. Позже писатель, как следует из писем, переносит акцент с «мальчиков и девочек» на творческую личность, которая выделяется среди людей своего круга. Иными словами, взгляд с исторической эпохи перемещается на главного героя, который поднялся над своим временем в бессмертии гениальности. Это может прояснить поочередную смену заглавий: «Мальчики и девочки», «Иннокентий Дудоров» и «Смерти не будет».

Известно, что поэтика Бориса Пастернака отличается сюжетной инвариантностью и переносом образов героев из одних произведений в другие. Иннокентий Дудоров впервые возникает в мире Пастернака в трагедии «Этот свет». Правда, ранее в конце «Записок Патрика» эпизодически мелькает «желчный молодой человек Анемподист Дудоров». Здесь возможно провести линию: Анемподист Дудоров («Записки Патрика») – Иннокентий Дудоров («Этот свет») – Иннокентий Дудоров («Доктор Живаго») и увидеть точки соприкосновения образов героев. Жизненный путь героев с фамилией Дудоров в «Записках Патрика» и «Докторе Живаго» очень близок. Это революционные настроения в молодости, которые потом сменяются отходом от революционного круга. Анемподист Дудоров в «Записках Патрика» преподавал в университете языки и историю, Иннокентий Дудоров из военной пьесы – профессор, а Иннокентий Дудоров из «Доктора Живаго» тоже преподает историю в университете. Не раз отмечалось, что Патрик Живульт – своеобразный предшественник Юрия Живаго, также и Дудоров мог сменить имя с Анемподиста на Иннокентия и обрести вторую жизнь на страницах «Доктора Живаго».

При раскрытии поэтики заглавия «Иннокентий Дудоров» следует в первую очередь обратить внимание на монологи Дудорова в пьесе. В них

сконцентрированы те мысли и мотивы, к которым поэт позже вернется в романе. Во-первых, это неприятие революции и лжи советской действительности. Иннокентий Дудоров в романе называет двадцатилетие, прошедшее со времени Октябрьской революции дурацким и обидным, с неприятием цитирует расхожую фразу Сталина («жить стало лучше, жить стало веселее») и поднимает запрещенные темы ссылок и доносов.

Во-вторых, в монологах главного героя выразилось особое представление о принятии народом великой Отечественной войны. По мысли Пастернака, война «явилась очистительной бурей, струей свежего воздуха, веянием избавления» от всей «той горы мерзостей, которые совершались именем народа».

В-третьих, в одном монологе Иннокентия Дудорова в пьесе звучат гамлетовские мотивы. Он начинается со слов: «Как это в «Гамлете»? Один я наконец-то. Вот оно, вот оно. Ожиданье всей жизни. И вот оно наступило...» В нем Дудоров делится теми мыслями, которые через несколько лет Пастернак вложит в уста доктора. Речь идет о мотиве неотвратимости судьбы из живаговского стихотворения «Гамлет».

И, наконец, стоит отметить глубокую и сильную веру Иннокентия Дудорова. Он полностью подчиняется Божьей воле и молится о защите русской земли от наступления немцев, приводя строчку из 141 псалма Иоанна Златоуста (воскресная стихира): «Изведи из темницы душу мою исповедаться имени твоему». Позже весь дух «Доктора Живаго» будет пронизан евангельским мотивом воскресения, звучащем в речи Дудорова.

В заключении отметим, что автоинтертекстуальность одного из вариантов заглавия романа «Иннокентий Дудоров» раскрывается через анализ образа Иннокентия Дудорова, в первую очередь, в пьесе «Этот свет» и только потом в романе. Также поэтика заглавия раскрывается через изучение взаимосвязей пьесы и романа. В этих произведениях писатель в открытую заговорил о своих религиозных взглядах и высказал размышления о судьбе послереволюционной России. Такое содержание произведений сделало невозможной их публикацию в идеологических условиях того времени.